

[Рец. на: / Review of:] **H. Sarvasy, D. Forker (eds.). *Word Hunters: Field linguists on fieldwork***. Amsterdam: John Benjamins, 2018. (Studies in Language Companion Series, 194.) vi + 177 p. ISBN 9789027200273.

**Тимур Анатольевич Майсак^а,
Вера Сергеевна Мальцева^б**

**Timur A. Maisak^а,
Vera S. Maltseva^б**

^а Институт языкознания РАН, Москва, Россия; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; timur.maisak@gmail.com; ^б Институт языкознания РАН, Москва, Россия; malt.wh@gmail.com

^а Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; timur.maisak@gmail.com; ^б Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; malt.wh@gmail.com

DOI: 10.31857/S0373658X0004903-2.

В сборнике “Word Hunters” («Охотники за словами») лингвисты из разных стран делятся своим опытом изучения языка в ходе полевой работы, то есть работы с носителями языка в местах их проживания. Перед авторами не ставилась задача обсуждать конкретные методологические или теоретические вопросы — статьи сборника представляют собой скорее мемуарно-философские заметки. Ближайшим аналогом книги для отечественного читателя в этом смысле может являться недавний двухтомник «Жизнь как экспедиция» [Плунгян, Фёдорова (ред.) 2017], посвященный в основном экспедициям А. Е. Кибрика и его школы. В случае «Охотников за словами», однако, авторы не связаны общей школой или традицией, поэтому опыт и подходы у всех участников сборника значительно различаются.

Редакторы сборника — специалист по нахско-дагестанским языкам Диана Форкер из Йенского университета и Ханна Сарваси из Австралийского национального университета, которая работала с носителями языков разных семей в Африке и Папуа — Новой Гвинее. Сборник сравнительно небольшой: в нем представлено 10 рассказов, а также предисловие редакторов, в котором описывается их собственный полевой опыт и дается краткое содержание статей. В начале предисловия воздается хвала отваге и самоотверженности полевых лингвистов; хвала эта на первый взгляд может показаться нам чрезмерной. Представляется, что значительная часть российских лингвистов, особенно среди тех, кто учился и продолжает учиться в Москве, хоть однажды побывали в лингвистической экспедиции и не считают, что они совершали при этом большой научный подвиг. Благодаря традиции, заложенной А. Е. Кибриком, каждое лето (а иногда и другие сезоны) не обходится без поездок «за языком» с участием студентов и аспирантов лингвистических вузов. Однако и экспедиции Кибрика возникли не сами по себе: с давних пор и по сей день научные институты и вузы в России организуют диалектологические и фольклорные экспедиции, в качестве студенческой практики и не только. Формат кибриковских экспедиций ОТиПЛа был похожим, цели и методы отличались. Современный формат экспедиций российских лингвистов также несколько меняется, но в целом полевая работа носит коллективный характер. Обычно в экспедиции есть руководитель, иногда два-три (из числа преподавателей), а также еще несколько опытных участников, которые консультируют новичков. Как правило, каждый участник имеет свою область исследования, но все собранные данные считаются общими. Получаемые результаты, гипотезы, методы обсуждаются непосредственно в экспедиции, а не только до и после нее. Сама поездка чаще всего приходится на каникулы и длится не очень долго, в среднем две-четыре недели. Нужно отметить, что большинство экспедиций происходит на территории России,

что существенно облегчает культурное и языковое взаимопонимание между лингвистом и носителем. Обычно приезд группы исследователей языка в российское село является значимым событием, но не слишком большой экзотикой для его жителей.

Но у полевых лингвистов многих зарубежных стран иная ситуация. Во-первых, лингвист, как правило, едет исследовать язык в одиночку или в составе небольшой группы: с одним, очень редко двумя коллегами или со своей семьей (которая напрямую в полевой работе не участвует). Вся организация — научная, юридическая, бытовая — ложится на его плечи. Поездка длится несколько месяцев. Это заставляет лингвиста более тесно общаться с носителями языка — не только собственно изучать их язык, но и искать для себя место в их социуме. Опыт такого рода остается уникальным, не разделенным с командой единомышленников. Во-вторых, в большинстве случаев лингвист из европейского, американского или австралийского университета едет в страну с другой культурой, нередко к людям, не имеющим частых (а то и вообще никаких) контактов с представителями западной цивилизации. Не всегда просто найти язык-посредник. Изначальная степень «чуждости» западного лингвиста для носителей гораздо больше. Тем не менее, при удачном стечении обстоятельств лингвист-одиночка становится куда более «своим» при продолжительном общении с жителями деревни, чем команда из нескольких человек, приехавшая ненадолго.

Сборник начинается со статьи Александры Айхенвальд (Университет Джеймса Кука, Мельбурн) «Магия имен». Александра Юрьевна много лет занималась полевыми исследованиями в бассейне Амазонки в Бразилии, позже переехала в Австралию и стала исследовать языки Папуа — Новой Гвинеи. В своей статье она рассказывает о том, как языковое сообщество, принимая ее в свой социум, давало ей внутреннее, племенное имя. Это происходило в совершенно разных местах: среди носителей языка тариана аравакской семьи на северо-западе Амазонии и среди носителей языка манамбу из провинции Восточный Сепик в Папуа — Новой Гвинее. В обоих случаях внутреннее имя обозначало не просто принадлежность к племени, но и конкретное родство с кем-то из его представителей. Причем это родство не обособленное: став при получении племенного имени чьей-то названной сестрой или братом, человек входит в его семью и вовлекается в систему родственных отношений всего сообщества. С этих пор он не воспринимается как чужой и получает доступ к информации, которой с чужими обычно не делится. Таким образом, как отмечает Айхенвальд, ей удалось исследовать особенности употребления личных имен (в том числе кличек и тотемных имен племени) и терминов родства в гораздо более полном объеме, чем если бы она оставалась для носителей человеком со стороны. В статье рассматриваются языковые данные и описываются обстоятельства, благодаря которым удалось их получить. В библиографии данной статьи, как и в прочих, можно найти список основных трудов автора, написанных на основе полевых данных.

Совсем другой опыт полевой работы был у компаративиста Роберта Блеста (Гавайский университет, США), специалиста в области лексикографии, работающего в основном с австронезийскими языками. Он бывал в поле трижды — в 1971 г. в Индонезии, в 1975 г. на Адмиралтейских островах и в период с 1994 по 1999 г. — на Тайване и Формозских островах. В первых двух поездках в течение нескольких месяцев он работал с носителями двух десятков языков, находя информантов среди учеников старшей школы. В отличие от большинства полевых лингвистов, его главной задачей было не составить или расширить описание какого-то конкретного языка, а найти ответы на вопросы сравнительно-исторического языкознания, для которых ему не хватало данных существующих грамматик и словарей. Так, в первом случае отправной точкой послужило обнаружение звонких придыхательных согласных в языке келабит, с носителем которого Бласт познакомился во время обучения в университете. Бласт отмечает, что существование согласных этого типа предсказывалось Ладефогедом [Ladefoged 1971: 9], однако не было засвидетельствовано ни в одном языке (звонкими придыхательными

часто называют звонкошепотные звуки, которые есть, например, в хинди, однако Ладефогед подчеркивает, что они имеют другую природу). Бласта при этом заинтересовал не столько сам факт наличия таких фонем, сколько их встроенность в систему звуковых соответствий для праязыковой реконструкции. Для проверки гипотез нужно было собирать дополнительные данные, и Бласт поехал в малазийский штат Саравак. Он жил в городе и работал с учениками колледжа, приехавшими туда из разных деревень, используя в качестве языков-посредников английский и малайский. Второй раз Бласта привело в поле желание разобраться в устройстве языков Адмиралтейских островов. Из доступных лексикографических описаний следовал вывод, что рефлексy некоторых прамалайско-полинезийских согласных в этих языках отличаются от таковых в прочих океанийских языках — но данные были неполны. Чтобы получить более детальную картину соответствий и выявить степень родства этой группы с другими океанийскими языками, нужно было изучать ситуацию на месте, и Бласт поехал в экспедицию на остров Манус (главный остров Адмиралтейства). Методы его работы были такими же, как в предыдущей поездке. Третье полевое исследование было в большей степени вызвано экстралингвистическими причинами, а именно угрозой скорого исчезновения целой группы австронезийских языков. Его было проще организовать, так как на Тайване жили родственники жены автора и можно было искать информантов с их помощью. По итогам поездок на Тайвань и Формозские острова Бласту удалось опубликовать полноценное описание языка тао (большой словарь, включающий в себя грамматический очерк и запись текстов), а также собрать материал по нескольким другим языкам региона — кавалан, пазах, сирая, северный бунун, центральный амис. Интересно, что материал, собранный в ходе нескольких месяцев полевой работы, обрабатывался не одно десятилетие — не только самим автором, но и его студентами. Описывая свой опыт работы с информантом не напрямую, а с помощью переводчика, Бласт отмечает, что, по его мнению, это не так уж плохо, как представляется заранее, — особенно в тех случаях, когда лингвист в целом знаком с языками из той же семьи и представляет себе ее типологические и ареальные черты.

Две следующие главы книги посвящены полевой работе в Африке, причем в обоих случаях — на протяжении весьма значительного времени. Исследования Маттиса и Бренцингера из Кейптаунского университета (ЮАР) проходили в разных регионах Восточной и Южной Африки начиная с 1982 г., когда он начал изучать африканистику в Кёльнском университете. Бренцингер, в частности, работал с языком кхве в районе Замбези в Намибии, с мукогодо-масаи и со «смешанным языком» мбугу в Кении, с языками небольших кушитских сообществ байсо и харро на островах озера Абая в Южной Эфиопии. В значительной степени области интересов автора находятся на пересечении лингвистики и антропологии и культурологии в целом: так, он активно занимался описанием микропонимов у кхве и терминологией пчеловодства у яaku (кушитского народа, перешедшего на нилотский язык масаи). Его очерк полон интереснейших наблюдений об особенностях культуры и менталитета африканских народов: так, Бренцингер отмечает, что для ориентации на местности бушмены кхве с детства запоминали расположение и особенности сотен деревьев и источников воды в округе (чего не удалось постичь самому исследователю, который регулярно терял дорогу в буше); с другой стороны, они не могли ориентироваться по солнцу, так как не осознавали, что оно меняет положение. Напротив, когда один из консультантов приехал в гости к Бренцингеру в Германию, где тот тогда жил, он не смог запомнить его дом, поскольку для него все дома на улице были на одно лицо. Бренцингер подчеркивает, насколько глубоким должно быть погружение в мир носителей языка и культуры для того, чтобы осознать суть некоторых ключевых противопоставлений: так, ему понадобилось немало времени, чтобы понять, что слова для сторон света у кхве, которые он сначала ассоциировал с западом и востоком, обозначают эти направления не в «западноевропейском» смысле. Для кхве условная ось «север — юг» разделяет мир на две части, при этом

к «западу» относится всё, что расположено по одну сторону от этой оси, а к «востоку» — по другую (тем самым, к западу в понимании кхве может относиться и то, что для европейца будет находиться, например, на севере). При том, что лингвисты, в том числе полевые, далеко не всегда принимают участие в официальной социальной деятельности и сотрудничают с правительственными органами, особенностью Бренцингера является активная включенность в гуманитарные проекты, причем не только лингвистические. Он занимался составлением алфавита для кхве и лъани (lʌni; причем, как он пишет, его инициатива была подхвачена местными энтузиастами и продолжена вплоть до настоящего времени), подготовкой материалов для чтения на почти вымершем языке кхомани в ЮАР и словаря языка луруули-луньяла в Уганде, выступал в роли консультанта по школьному преподаванию языков в Эфиопии, а также участвовал в развитии программы информирования о ВИЧ/СПИД в Намибии. Одна из ключевых мыслей его очерка состоит в том, что в описании местных языков как можно более широкое участие должны принимать сами носители, прежде всего в роли исследователей и лингвистов, а не только опрашиваемых информантов.

Глава, написанная Г. Такером Чайлдзом (Портлендский университет, США) значительно отличается по содержанию и стилю — в частности, в ней почти отсутствует собственно лингвистическая составляющая, автор главным образом повествует о нестандартных ситуациях, с которыми ему пришлось столкнуться на африканском континенте. При этом его знакомство с Африкой состоялось не самым обычным (для полевого лингвиста) образом — в юности он на протяжении двух лет жил в Либерии в качестве добровольца американской гуманитарной организации «Корпус мира», и лишь через некоторое время после возвращения решил обратиться к исследованию африканских языков (пройдя обучение в Джорджтауне, а затем в Беркли и Стэнфорде). В дальнейшем Такер Чайлдз не раз бывал в Африке уже в лингвистических экспедициях, в том числе в последние два десятка лет занимался документацией вымирающих языков Гвинеи и Сьерра-Леоне. Среди сюжетов, красочно описываемых автором в своем очерке, — его вход в деревню с неправильной стороны (что послужило поводом для обсуждения на совете старейшин, можно ли чужестранцу остаться в деревне или нужно сразу покинуть ее), драматичное путешествие на лодке по реке в поисках карликовых бегемотов, бытовые трудности в Йоханнесбурге (вскоре после конца эпохи апартеида), вынудившие семью исследователя покинуть ЮАР, а также в целом проблемы, связанные с медициной. Такер Чайлдз заключает, что не следует переоценивать этап подготовки к поездке, поскольку реальный опыт человек сможет получить только на месте, в конкретных обстоятельствах; с другой стороны, не стоит и отчаиваться в случае трудностей, которые в каком-то виде все равно неизбежны.

Из Африки читатель сборника перемещается на Кавказ, а именно, в Дагестан: соответствующий очерк, написанный Ниной Добрушиной (НИУ ВШЭ, Москва) и Михаилом Даниэлем (НИУ ВШЭ / МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва) носит подзаголовок «Очень личный рассказ» и, действительно, затрагивает некоторые проблемы, которые в других главах не поднимаются. Оба автора в свое время участвовали в «больших» дагестанских лингвистических экспедициях МГУ, и так или иначе сопоставление своего более недавнего опыта с классическими кибриковскими экспедициями проходит красной нитью сквозь весь очерк. Добрушина и Даниэль наиболее подробно останавливаются на следующих трех аспектах своей полевой работы (или скорее «полевой жизни») в Дагестане. Во-первых, они являются семейной парой, причем одним из немногих примеров такой пары, которая продолжает совместные поездки в поле, в том числе вместе с детьми. Во-вторых, отчасти продолжая, но вместе с тем и модифицируя традицию кибриковских экспедиций, поездки Школы лингвистики НИУ ВШЭ всегда происходят с участием нескольких студентов. В-третьих, в последние несколько лет под руководством Н. Р. Добрушиной в рамках дагестанских экспедиций проводится совершенно особый по замыслу и реализации проект — исследование многоязычия в горном Дагестане в исторической перспективе.

Проект подразумевает посещение множества сел (точнее, «кластеров» из двух и более расположенных рядом сел, в которых говорят на разных языках) и проведение в каждом из сел десятков социолингвистических интервью, фиксирующих владение языками как самих опрашиваемых, так и их родителей и более далеких предков (естественно, в той мере, в которой опрашиваемый знает / помнит об этой стороне жизни родственников), см. подробнее [Dobrushina et al. (eds.) 2017]. Проведение этого проекта не отменяет более «традиционной» полевой деятельности по документации языков — одним из результатов серии поездок в с. Мегеб в последние годы стала подготовка сборника статей по вопросам грамматики мегебского языка, одного из одноаульных идиомов даргинской группы (см. [Daniel et al. (eds.), to appear]). Добрушина и Даниэль обсуждают также ряд этических вопросов, связанных с полевой работой, — например, в какой мере обязательно следовать всем традициям, принятым в данном сообществе (приходя к выводу, что соблюдать дресс-код и общие правила поведения все-таки стоит), а также чем полевой лингвист может отблагодарить носителей за их помощь и гостеприимство.

Следующий автор, Майкл Фортескью (Копенгагенский университет), компаративист, специалист по языкам Арктического региона (эскимосско-алеутским, чукотско-камчатским и вакашским), назвал свою статью «Питье из айсберга» с подзаголовком «Тридцать лет полевой работы в Арктике». На протяжении этих тридцати лет Фортескью ездил в поле далеко не каждый год, но сравнительно часто. У него было три экспедиции в Гренландию (каждый раз в новый диалект), одна — на Чукотку, с бытовыми сложностями из-за непредсказуемого и ненадежного транспорта (так, из-за транспортной проблемы пришлось работать в Анадыре с носителями разных диалектов, поскольку найти лодку, чтобы добраться до деревень, не удалось), и две — на побережье Канады, в вакашские языки. Основной целью Фортескью в полевой работе был сбор диалектных данных для сравнительно-исторических исследований. На их основе были составлены сравнительные словари (эскимосский, чукотско-камчатский и вакашский), написаны грамматики некоторых из исследуемых языков, а также монография про системы ориентации в языках Полярного круга. Отвечая на вопрос о том, как все начиналось, автор сознается, что для типологической перспективы в диссертации ему не хватало какого-нибудь полисинтетического языка, и самыми доступными оказались носители гренландского, живущие в Копенгагене. Пообщавшись с ними, Фортескью остался в Копенгагене не на год, как планировал изначально, а на всю жизнь — сейчас он живет там уже 34 года. А вкус к полевой работе ему давало, во-первых, ощущение «эврики», когда кусочек данных помогает сложить теоретический пазл; во-вторых, осознание своей пользы от документирования исчезающих языков; и наконец, знакомство с интересными местами, людьми и чувство свободы, которое дает такая работа.

Кнут Олавски (Мириунгский культурно-языковой центр в Кунунурре, Австралия) работал с носителями языков в разных частях света: дагбани в Северной Гане (Африка), ураина в Амазонии (Перу) и мириунг в регионе Кимберли на северо-западе Австралии. Сейчас он не просто работает, а живет в среде носителей языка мириунг и помогает им сохранять их язык и культуру. В своей статье он рассказывает о бытовых и культурных неожиданностях, с которыми ему довелось столкнуться в ходе поездок. Олавски обращает особое внимание на то, что полевая лингвистическая работа — это специфический вид общения не только для лингвиста, но и для сообщества носителей языка. И хорошо, когда лингвисты задумываются не только о научных результатах, но и о том, что хорошего это взаимодействие может дать носителям. Например, если лингвист пытается говорить на изучаемом языке, это часто ценится носителями — они видят, что их язык почему-то важен и нужен кому-то еще, кроме них. Олавски также отмечает, что эмпирический метод сбора материала хорош, но недостаточен для полноценного описания, обязательно нужна работа над корпусом текстов.

В статье Нины Сумбатовой (РГГУ, Москва) основное внимание уделено разнообразию форматов полевых выездов, в которых ей довелось принять участие. Учась

на ОСИПЛе, Сумбатова принимала участие в экспедициях Кибрика в Дагестан и Сванетию, позже сама была руководителем поездок с участием студентов-лингвистов в Хакасию и Адыгею. Она отмечает, что для рядового участника и для организатора жизнь в большой лингвистической экспедиции сильно различается. Также Сумбатова принимала и продолжает принимать участие в поездках в составе небольших групп исследователей в разные места: в Дагестан (даргинские языки), на Дальний Восток (тунгусские языки), в Западную Африку (языки манде). Любимым полем для ее исследований был и остается Кавказ. Сумбатова является соавтором грамматик двух даргинских языков, а также участвовала в коллективной монографии по адыгейскому языку. В статье увлекательно рассказывается о том, как разные форматы экспедиций, разные языковые семьи, части мира и степени сохранности языка накладывали свой отпечаток на ход работы. Интерес к полевой работе для автора состоит прежде всего в том, что исследователь получает данные о языке из первых рук, свободными от чужих интерпретаций, и в том, что можно быстро получить от носителя ответ на вопрос, интересующий тебя прямо сейчас — нужно лишь правильно его сформулировать.

В статье голландского ученого Лоренса де Вриса (Амстердамский свободный университет), исследователя авью-думутских языков на западе Папуа — Новой Гвинеи, основное внимание уделено культурным аспектам полевой работы. Он провел много месяцев в среде носителей, работал в контакте с антропологом Рупертом Сташем. Де Врис пишет, что белого чужака в этих местах называют словом, которое обозначает демона определенного рода, существо между миром живых и мертвых (*laléo*). Для аборигенов такие существа реальные, они находятся среди людей (*yanop*), но не являются людьми. Словом *laléo* называют либо существо, которое умерло, но еще не ушло в мир предков, либо новорожденного, про которого еще не понятно, останется ли он в живых и станет ли членом сообщества. Демон считается существом отрицательным — но, несмотря на это, членам племени можно устанавливать с ним не коллективный, от имени всего племени, а индивидуальный контакт, беря на себя полную ответственность за это рискованное действие, — взаимодействий с демонами опасаются. Впрочем, среди тех, кто считается «людьми» (*yanop*), встречаются существа поопаснее демонов: считается, что колдуны (*haxua*) могут привести человека (чаще всего кого-то из своих родных) к смерти, незаметно для всех съев его внутренние органы. И если случается необъяснимая смерть среди членов племени, все ищут *haxua*, чтобы его убить. Однако де Врис отмечает, что в 2000-х гг. белых чужаков стали называть *yanop*, т. е. включать в число людей, а общение с ним как с «демоном» имело место лишь в 1980-е гг. В конце статьи де Врис пишет о том, что многолетняя практика полевой работы с одним языком помогает глубже его понять: на одни и те же данные исследователь смотрит с разным багажом знаний. После некоторого рубежа даже старые записи миссионеров, сделанные по канонам латинской грамматики, не кажутся такими уж бесполезными, как сначала. Прежде всего этот рубеж преодолевается в ходе работы над разметкой корпуса текстов, а также за счет погружения в культуру носителей языка. Так, де Врис отмечает, что смог окончательно разобраться в счетной системе изучаемого языка только понаблюдав, как происходит собственно процесс счета.

Мэри Рут Уайз (Летний лингвистический институт, США) несколько лет подряд в юности работала в предгорьях Анд (Перу) с аравакским языком янеша и немного с языком номинангенга, связанным с янеша дальним родством. Вместе со своей коллегой Мартой Дуфф в 1950–1960-х гг. они собирали материал для словаря и грамматики янеша, помогали создавать пособия для школ на янеша, а позже издали перевод Нового Завета на этот язык. В статье Уайз делится своими лингвистическими и социолингвистическими открытиями в поле. В 2010 г., много лет спустя после экспедиций юности, Уайз получила письмо от носителей янеша с просьбой о консультации по поводу изменения орфографии, и ей довелось еще раз посетить их края. Автор с сожалением отмечает, что за время ее отсутствия число носителей сократилось, языку угрожает вымирание. Однако школьное

обучение на нем продолжается, а языковое сообщество собственными силами, без помощи лингвистов, сделало перевод Книги Бытия на свой язык.

Оценивая сборник в целом, нельзя не признать выбранный редакторами формат удачным. В последние годы было опубликовано (увы, не в России) множество руководств по полевой лингвистике с упором на методологию полевой работы (на русском языке последним значимым трудом в этой области является монография [Кибрик 1972]). Жанр экспедиционных воспоминаний (в значительной степени — воспоминаний о студенческой юности) представлен в уже упоминавшемся выше мемориальном сборнике «Жизнь как экспедиция»¹. Расширенной «исповедью» полевого лингвиста, недавно вышедшей и в русском переводе, можно назвать книгу Д. Эверетта [2016] о его жизни с индейцами пираха и исследовании их языка и культуры. Сборник под редакцией Сарваси и Форкер занимает в ряду публикаций по полевой лингвистике особую нишу, поскольку включает сравнительно немного очерков, написанных при этом бывальными полевыми лингвистами из разных уголков планеты от первого лица и сконцентрированных именно на деятельности лингвиста в поле. В сборнике находится место и собственно «экспедиционной» проблематике, включая трудности и достоинства работы в поле, и обсуждению лингвистических и социолингвистических аспектов исследования языков (в т. ч. вымирающих), и любопытным сведениям о культуре народов из разных регионов мира.

Про эту книгу хочется сказать, что она действительно была бы интересна «широкому кругу читателей», поскольку в ней рассказывается о том, чем занимаются, что видят и слышат лингвисты в своих поездках «за языком». Те, кто сам проводит полевую работу, наверняка найдут в очерках авторов множество сходств (но и немало различий) со своим экспедиционным опытом. Тех же, кто еще не бывал «в поле», книга вполне может вдохновить на этот необычный и впечатляющий вид деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Борщев 2001 — Борщев В. Б. *За языком: Дагестан, Тува, Абхазия. Дневники лингвистических экспедиций*. М.: Азбуковник, 2001. [Borshchev V. B. *Za yazykom: Dagestan, Tuva, Abkhaziya. Dnevniki lingvisticheskikh ekspeditsii* [For the language: Daghestan, Tuva, Abkhazia. Linguistic fieldtrip diaries]. Moscow: Azbukovnik, 2001.]
- Кибрик 1972 — Кибрик А. Е. *Методика полевых исследований*. М.: МГУ, 1972. [Kibrik A. E. *Metodika polevykh issledovaniy* [Methods of field research]. Moscow: Lomonosov Moscow State Univ., 1972.]
- Плунгян, Фёдорова (ред.) 2017 — Плунгян В. А., Фёдорова О. В. (ред.-сост.). *Жизнь как экспедиция: сборник статей к 50-летию школы полевой лингвистики А. Е. Кибрика и С. В. Кодзасова*. М.: Буки Веди, 2017. [Plungian V. A., Fedorova O. V. (ed.-comp.). *Zhizn' kak ekspeditsiya: sbornik statei k 50-letiyu shkoly polevoi lingvistiki A. E. Kibrika i S. V. Kodzasova* [Life as a fieldtrip: A collection of papers on the 50th anniversary of A. E. Kibrik and S. V. Kodzasov's field linguistics school]. Moscow: Buki Vedi, 2017.]
- Эверетт 2016 — Эверетт Д. Л. *Не спи — кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей*. Пер. с англ.: Дронов П. С., Мокин И. В., Панов Е. Н. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. [Everett D. L. *Don't sleep, there are snakes. Life and language in Amazonian Jungle*. Transl. into Russian by Dronov P. S., Mokin I. V., Panov E. N. Moscow: YaSK Publishing House, 2016.]
- Daniel et al. (eds.), to appear — Daniel M., Ganenkov D., Dobrushina N. (eds.). *Mehweb. Selected essays on phonology, morphology and syntax*. Berlin: Language Science Press, to appear.

¹ Его дополняют экспедиционные дневники нескольких поездок в Дагестан, Абхазию и Туву [Борщев 2001], составленные участником-нелингвистом и отчасти представляющие собой взгляд на полевую работу и экспедиционный быт «со стороны».

Dobrushina et al. (eds.) 2017 — Dobrushina N., Staferova D., Belokon A. (eds.). *Atlas of Multilingualism in Daghestan Online*. Linguistic Convergence Laboratory, HSE, 2017. URL: <https://multidagestan.com>. Accessed on 2018-08-20.

Ladefoged 1971 — Ladefoged P. *Preliminaries to linguistic phonetics*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1971.

Получено / received 05.09.2018

Принято / accepted 18.09.2018

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ ПИ № ФС 77-66704 от 28.07.2016 г.)

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»,
тел.: +7 495 637-25-16, e-mail: vorprosy@mail.ru

Подписано к печати 23.05.2019 Формат 70×100^{1/6} Уч.-изд. л. 15,5

Тираж 400 экз., включая 5 экз. бесплатно

Зак. 5/3а Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Издатель: Российская академия наук

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-199-18 ООО «Интеграция: Образование и Наука»
117418, Нахимовский проспект, 47

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»